

П. Красковъ.

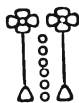
Дохцы и Платовъ

въ 1812 году.

Цѣна 7 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МАЙНАЯ 32.
"СЕЛЬСКОЕ ВЪСТАНІЕ"

ТВОИ Д. СЫТИНА
МОСКВА
У ИВАНОВИХЪ ВОРОТЬ

П. Красновъ.

ДОНЦЫ и ПЛАТОВЪ въ 1812 году.

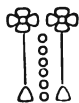

Цѣна 7 коп.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1912.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МОЯКАЯ СТ.
"СЕЛЬСКАЯ ВЕСТНИК"

ТВОИ Д. СЫТИНА
МОСКВА
У НИКИНСКИХ ВОРОТЪ

Атаманъ гр. М. И. Платовъ.

**Донскіе казаки на канунѣ войны 1812 года. Устройство полковъ.
Первыя встрѣчи съ французами. Суворовская школа.**

1812-й годъ на Дону встрѣчали тихо.

Почти въ каждой семьѣ кто-либо былъ въ отсутствіи. Семь полковъ казачьихъ—Атаманскій, Денисова 4, Денисова 7, Карпова, Гордѣева, Иловайскаго 8 и Иловайскаго 11—находились въ Молдавіи, гдѣ уже седьмой годъ шла война съ турками. Не пришли еще полки казачьи съ далекаго сѣвера, гдѣ два года тому назадъ окончилось покореніе Финляндіи русскими войсками; да на «линіи», то-есть по границѣ нашей съ Кавказомъ, въ нынѣшней Кубанской области, стояли донскіе казачьи полки.

Тогда, сто лѣтъ тому назадъ, Донъ представлялъ столько полковъ, сколько требовалось. Вызывался какой-либо офицеръ, полковникъ, и ему указывали собрать полкъ «своего имени». Онъ ѣхалъ въ станицы, собиралъ старыхъ, бывалыхъ офицеровъ и урядниковъ. Къ нимъ назначали молодежь. Сборы были недолгіе: скажетъ отецъ напутственное слово сыну, поплачетъ старуха-мать, поголоситъ молодая жена. Въ богатой семьѣ отецъ съ дѣдомъ сами снарядятъ въ походъ казака. Въ бѣдной помогутъ сосѣди, и цѣлымъ обществомъ «справятъ» молодого въ полкъ; дадутъ все—и коня, и сѣдло, и вьюкъ, и обмундированіе, и теплую одежду, и пику, и шапку, и ружье.

Еще мальчишкой казакъ научился лихо рубить и колоть, не разъ практиковался онъ въ стрѣльбѣ по уткамъ, гусямъ и дудакамъ, зналъ строй, лихо ѣздилъ на конѣ, джигитовалъ и прыгалъ черезъ валы и заборы. Разказы побывавшихъ въ войнахъ казаковъ такъ вліяли на душу мальчика-казака, что онъ грезилъ войною,

мечталъ о подвигахъ ратныхъ, о побѣдахъ надъ татариномъ, туркомъ или хитрымъ кавказскимъ горцемъ.

За безпокойною тогда Кубанью, по направленію къ Кавказу, непрерывно тянулись казачьи городки и крѣпости; тамъ стояли казаки и пѣхота для обороны отъ нападений татаръ и черкесовъ. Мѣсто это называлось «линіею». Одни полки уходили на линію, другіе приходили имъ на смѣну. Полная тревогъ и опасностей жизнь приучала казака быть внимательнымъ въ сторожевой службѣ, искуснымъ въ развѣдкѣ, смѣлымъ въ отраженіи непріятели, лихимъ при атакѣ.

На Дону сто лѣтъ тому назадъ были живы—да что!—были живы,—были молоды лѣтами, бодры воспоминаніями казаки, вмѣстѣ съ Суворовымъ ходившіе съ одними штыками въ рукахъ на штурмъ Измаила, перевалившіе Альпійскія горы, бравшіе Варшаву. Разказы этихъ бывалыхъ казаковъ про подвиги донцовъ и солдатъ, про маленькаго генераль-фельдмаршала съ сухимъ лицомъ и задорно торчащимъ надо лбомъ завиткомъ волосъ, разказы про то, какъ онъ «училъ побѣждать», замѣняли пролѣтъ казачью воинскія ученія. Казаки исколесили всю Европу и въ Турціи знали каждую дорожку.

Нѣкоторые казаки ранеными побывали въ плѣну и научились тамъ чужому языку, другіе имѣли въ своемъ домѣ плѣнныхъ и отъ нихъ знали чужой языкъ и чужіе обычаи. И конями славилась Донская земля. Было что выбрать изъ табуновъ, пригнанныхъ отъ закубанскихъ татаръ.

Первый разъ казаки познакомились съ французами въ 1799 году, когда, по приказанію императора Павла I, съ Дона въ корпусъ Суворова, воевавшего въ Италіи съ французами, было послано восемь полковъ. Казаки воевали въ союзѣ съ австрійцами, но вслѣдствіе измѣны австрійцевъ вернулись обратно, совершивши тяжелый и утомительный переходъ черезъ покрытыя снѣгомъ, неприступныя Альпійскія горы. Казаки принесли изъ этого похода много разказовъ про новаго врага—француза.

— Щуплый онъ,—говорили донцы,—изъ себя чернявый, худой, но быстрый и ловкій. И войну ведутъ по-новому: не шеренгами наступаютъ, а разомкнуто, цѣпями идутъ, со стрѣльбою.

Казаки находили этого врага серьезнымъ, и если они побѣдили его, то только потому, что во главѣ ихъ находился генераль-фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ Суворовъ.

— И такъ онъ насъ училъ, — говорили казаки про Суворова, — «казаки, молъ, колотъ будутъ; но жестоко бы слушали, когда французы кричатъ будутъ «пардонъ» или бить «шмадъ». Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать: «балезармъ, пардонъ, жетелезармъ» и симъ пользуясь, кавалерію жестоко рубить и на батарее быстро пускаться, что особливо внушить. Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ. Ихъ генераловъ, особливо казаки и прочіе, примѣчаютъ по кучкамъ около нихъ; кричатъ «пардонъ», а ежели не сдаются — убивать».

Въ эту первую войну съ французами казакамъ не довелось повидать Наполеона Бонапарта. Но не прошло и шести лѣтъ, какъ въ 1805 году два полка казачьихъ — № 2 Сысоева и № 3 Ханженкова — были отправлены въ армію Кутузова, которая, по приказу Императора Александра I, сражалась съ Наполеономъ, помогая австрійцамъ.

Въ эту войну казаки, подъ начальствомъ князя Багратиона, 4 ноября 1805 года, подъ Прейсшпъ-Эйлау отчаянно дрались съ французами, которыми командовалъ лучший генераль Наполеона — Мюратъ. Враговъ было въ шесть разъ больше, нежели русскихъ, и они совершенно окружили маленькій отрядъ Багратиона. Но герой пробился сквозь французскіе ряды и вывелъ свой отрядъ изъ тяжелаго боя.

Черезъ два года (1807 г.) послѣдовала новая война.

Французы, подъ предводительствомъ Наполеона, придвинулись почти къ самымъ границамъ Россіи и воевали съ прусскимъ королемъ.

Государь Александръ I опасался, что Наполеонъ, покоривши почти всю Западную Европу, пойдетъ и дальше — на Россію, и рѣшилъ помочь нѣмцамъ. Въ нѣмецкія земли Царь двинулъ большую армію, подъ начальствомъ генерала Беннигсена. Въ этой арміи находилось 20 донскихъ казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ атамана Платова.

Война была неудачна для союзниковъ, и въ началѣ іюня 1807 года Императоръ Александръ I заключилъ съ Наполеономъ миръ и союзъ. Въ городѣ Тиль-

зитѣ на нѣмецкой границѣ сошлись оба императора со своими войсками. Недавніе враги помирились. Александръ награждалъ нашими орденами французскихъ солдатъ, Наполеонъ вѣшалъ ордена на грудь нашимъ. Много интересовались французы донскими казаками, которые являлись недремлющимъ окомъ русской арміи. Сквозь завѣсу ихъ гибкихъ конныхъ цѣпей, называемыхъ «лавами», не могли проникнуть непріятельскіе развѣдчики. Казаки слѣдили за каждымъ движеніемъ врага, тѣсною стѣною окружали они биваки, нападали по ночамъ, отбирали обозы, наводили страхъ на непріятеля. Ихъ атамана Платова знали всѣ французскіе развѣдчики. Часто-часто видали его на сѣромъ конѣ впереди казачьихъ лавъ. Самъ Наполеонъ хотѣлъ познакомиться съ лихимъ атаманомъ. Платову передали это. Онъ наотрѣзъ отказался видѣться съ французскимъ императоромъ. Не смотря на союзъ съ нимъ, старый казакъ видѣлъ въ Наполеонѣ врага Россіи и не хотѣлъ дружить съ нимъ. Но Государь Александръ I выразилъ желаніе, чтобы Платовъ представился французскому императору и показалъ ему свое искусство въ стрѣльбѣ изъ лука. Заговорила гордая донская кровь въ старомъ атаманѣ, онъ рѣшилъ щегольнуть военнымъ искусствомъ. Однажды, послѣ завтрака въ помѣщеніи Императора Александра I, Платова познакомили съ Наполеономъ и предложили ему пострѣлять изъ лука. Платовъ усѣялъ стрѣлами поставленную мишень и по окончаніи стрѣльбы подарилъ свой лукъ Наполеону. Французскій императоръ далъ ему на память драгоценную табакерку со своимъ портретомъ, но Платовъ, придя домой, вынулъ портретъ изъ табакерки и вложилъ его обратно лишь семь лѣтъ спустя, когда Наполеонъ былъ побѣжденъ и томился въ плѣну. Не желалъ видѣть донской атаманъ врага, счастливаго своими побѣдами надъ нами, но врага, побѣжденнаго нами, онъ уважалъ за его былую славу.

Съ тревогою и трепетомъ ожидали на Дону 1812 года, пророчили всякіе ужасы и новыя войны. Какъ часто въ этотъ тихо надвигавшійся сумрачный 1812-й годъ, страшный кровавыми предзнаменованіями, на опустѣвшемъ Донѣ раздавалась сиротливая пѣсня казачекъ:

...Ахъ, и чѣмъ-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана, не плугами,

Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засѣяна славная земелюшка казацкими головами.

Ахъ, и чѣмъ-то нашъ батюшка славный тихій Донъ украшенъ?
Украшенъ-то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами.

Ахъ, и чѣмъ-то нашъ батюшка тихій Донъ цвѣтенъ?
Цвѣтенъ нашъ батюшка славный тихій Донъ сиротами.

Ахъ, и чѣмъ-то во славномъ тихомъ Дону волна наполнена?
Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими, матерними слезами...

До пятидесяти конныхъ полковъ было потребовано съ Дона къ веснѣ 1812 года. Видно, надвигалась тяжелая суровая година. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили казаки за приказами и распоряженіями своего атамана, Матвѣя Ивановича Платова...

2.

Донской атаманъ М. И. Платовъ. Рожденіе. Служба. Платовъ—ученикъ Суворова. Завѣты казанамъ.

Про Матвѣя Ивановича Платова, въ тѣ поры, на Дону знали, что онъ—настоящій казакъ, сподвижникъ и ученикъ Суворова, съ дѣтства и до глубокой старости прожившій на конѣ въ далекихъ походахъ. Знали казаки его быстрый умъ, цѣнили сильную, твердую волю, беззавѣтную храбрость; знали, что дороже всего на свѣтѣ ему была слава донская казачья.

— Съ такимъ атаманомъ—и французъ не страшень,—говорили на Дону старики.

Сынъ войскового старшины, внукъ простого казака, Платовъ зналъ войсковые обычаи, глубоко цѣнилъ казакость и умѣлъ съ ними говорить.

Матвѣй Ивановичъ Платовъ родился 6 августа 1751 г. въ Старо-Черкасской станицѣ. Народное преданіе такъ рассказываетъ о днѣ его рожденья. Въ этотъ день отецъ его, заслуженный войсковою старшина, имѣвшій на Дону свои торговья суда, пошелъ къ рѣкѣ. Вдругъ птица, летѣвшая надъ нимъ, уронила ему на шапку кусокъ хлѣба.

— Добрая примѣта!—проговорилъ почтенный старикъ, перекрестился и положилъ этотъ кусокъ себѣ въ карманъ. Когда же онъ подошелъ къ берегу, то къ его ногамъ изъ воды выпрыгнулъ громадный сазанъ. Возволнованный этими необычными происшествіями, Платовъ отправился домой и узналъ, что у него родился сынъ.

Старикъ собралъ своихъ друзей и угостилъ ихъ кускомъ хлѣба, оброненнымъ птицею, и жаренымъ сазаномъ, такъ чудесно ему доставшимся.

— Добрая примѣта!—повторяли его пріятели и по старому казачьему обычаю дарили новорожденнаго—кто пашкой, кто пистолетами, кто сѣдломъ черкесскимъ. Родился казакъ-воинъ, и все это—про то каждый зналъ—скоро ему понадобится.

Родители Платова были люди небогатые. Тогда на Дону не было ни школъ, ни училищъ. Чтобы научить мальчика, нужно было послать его въ Москву или въ Петербургъ, а на это требовались большія деньги. И вотъ отецъ съ матерью да ближайшій священникъ принялись за обученіе и воспитаніе мальчика.

Родители наставили его въ твердой православной вѣрѣ, научили почитать начальниковъ и старшихъ, вдохнули въ него горячую любовь и преданность государямъ, обожаніе родины—Россіи и тихаго Дона и, какъ могли, научили читать и писать да ариѳметикѣ.

Способный мальчикъ всякую науку схватывалъ на лету, имѣлъ умъ быстрый и острый, живо соображалъ все, про что ему говорили. Когда ему минуло десять лѣтъ, то въ средѣ сверстниковъ не нашлось наѣздника, равнаго ему. Никто не попадалъ такъ мѣтко стрѣлою изъ лука, никто не рубилъ такъ сильно саблей, не джигитовалъ такъ отчаянно, какъ Матвѣй Платовъ.

Казакъ росъ на славу!

Тринадцатилѣтняго Матвѣя отецъ зачислилъ въ полкъ на дѣйствительную службу урядникомъ.

Родители помолились передъ святою иконою, посѣдлала коня, обрядили мальчика въ тяжелую амуницію. Настала часъ прощанья. Вышли всѣ на крылечко... Снялъ старый казакъ шапку, перекрестилъ сына и сталъ говорить послѣднее казачье слово:

— Смотри, Матвѣй, служи Государю и тихому Дону примѣрно. Помни меня. Изъ простыхъ казаковъ дошелъ я до чина войскового старшины—храбростью да примѣрною службою. Береги отцовскіе обычаи: *будь казакомъ*. Уповай на Господа Бога, и Онъ тебя не оставитъ. Слушай начальниковъ. Будь внимателенъ къ равнымъ тебѣ, снисходителенъ къ низшимъ и строгъ болѣе всего къ самому себѣ. Но помни, Матвѣй, ни-

когда и думать не могли забыть нашъ широкій Донъ, вскормившій и взлелѣявшій тебя. Аминь!..

Еще и еще разъ поцѣловаль отецъ сына, всплакнула старуха-мать. Вскочилъ мальчикъ на коня, отецъ подалъ ему пику. Перекрестился, принимая «дончиху», — какъ называли казаки пику, — Матвѣй и ускакалъ на сборный пунктъ своего полка.

Рано тогда начинали служить казаки и долго служили, — всю жизнь проводили въ полѣ.

Ловкій, смѣтливый мальчикъ, смѣлый наѣздникъ, скоро обратилъ на себя вниманіе. Его стали назначать въ ординарцы къ разнымъ начальникамъ. Сталкивался здѣсь Платовъ со многими офицерами, подолгу бесѣдовалъ съ ними и скоро увидѣлъ, что ему не хватаетъ образованія. Платовъ сталъ учиться. На

деньги, которыя посылалъ ему отецъ, доставалъ книжки, читалъ и старался проникнуть въ тайну науки.

19-ти лѣтъ, въ чинѣ хорунжаго, онъ состоялъ при главнокомандующемъ князѣ Долгорукомъ, воевавшемъ въ Крыму. Лихой офицеръ обратилъ на себя вниманіе главнокомандующаго и вскорѣ былъ произведенъ въ есаулы и назначенъ командиромъ конвойной сотни, а затѣмъ пожалованъ чиномъ войскового старшины.

Двадцатитрехлѣтній полковой командиръ Платовъ съ полкомъ попалъ на Кубань. Здѣсь, въ битвѣ съ

М. И. Платовъ.

татарами на рѣкѣ Калалахъ, 3 апрѣля 1774 года, онъ на-голову разбилъ татарскія орды и выдвинулся своею храбростію и распорядительностію.

Потомъ онъ получилъ назначеніе въ отрядъ Суворова, посланный противъ разбойническихъ шаекъ Пугачева.

39-ти лѣтъ отроду, Платовъ съ казаками, вооруженными однѣми только пиками, штурмовалъ неприступную твердыню турецкой крѣпости Измаила. Два года тянулася война съ турками. Не могли наши войска одолѣть врага, не могли сломить Измаила. Вызвали Суворова. 30 ноября 1790 года великій вождь пріѣхалъ въ сопровожденіи одного казака къ арміи, осаждавшей крѣпость. Осмотрѣвшись, Суворовъ увидѣлъ, что отъ него требовали невозможнаго—крѣпость была неприступная. Начальникомъ ея былъ посѣдѣлый въ бояхъ Айдосъ-Мехмедъ-папа, человекъ твердый и безстрашный. Мы не имѣли осадныхъ пушекъ, боевыхъ припасовъ у насъ было мало, продовольствіе приходило къ концу. Половинадонскихъ казаковъ сражалась пѣшими и имѣла только пики. Взять крѣпость предстояло почти голыми руками, открытымъ приступомъ. Суворовъ началъ къ нему готовиться. Вязали фашины, строили лѣстницы.

— Валу Измаила высоки,—говорилъ Суворовъ солдатамъ,—рвы глубоки, а все-таки намъ нужно его взять. Такова воля матушки-государыни.

— Съ тобой возьмемъ,—спокойно и увѣренно говорили солдаты любимому вождю.

По ночамъ шли ученья. Казаки штыками учились колоть связки хвороста, изображавшія турокъ.

7 декабря, Суворовъ послалъ начальнику крѣпости краткую записку съ предложеніемъ сдать Измаиль.

«Сераскиру,—писалъ Суворовъ,—старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть. Что оставляю вамъ на размышленіе».

«Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо упадетъ на землю, чѣмъ сдастся Измаиль», отвѣчали турки.

Суворовъ ожидалъ 9 ноября, но бѣлое знамя—знакъ сдачи—не показалось на валахъ крѣпости. 9-го у

насъ происходилъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовало 13 генераловъ, и младшимъ былъ молодой бригадный генералъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Суворовъ коротко рассказалъ, въ какомъ положеніи находятся войска, объяснилъ всю опасность штурма и предложилъ каждому, начиная съ младшаго, сказать откровенно, что они думаютъ дѣлать съ Измаиломъ.

Платовъ всталъ и громко, отчетливо сказалъ:

— Штурмовать!

За нимъ повторили это же слово и всѣ остальные. Суворовъ всѣхъ перецѣловалъ, вышелъ изъ палатки и отдалъ приказъ о подготовкѣ къ штурму.

— Сегодня молиться, — говорилъ Суворовъ командирамъ полковъ, — завтра учиться, послѣзавтра или побѣда, или славная смерть.

11 ноября Измаиль палъ передъ доблестью русскихъ войскъ. Платовъ командовалъ штурмовою колонною. Когда казаки, отброшенные страшнымъ огнемъ турокъ, замялись у стѣнъ крѣпости, Платовъ приставилъ лѣстницу къ валу и съ крикомъ: «съ нами—Богъ и Екатерина!» — первымъ бросился на валь.

Великій штурмъ твердынь Измаила прославилъ Платова. Императрица Екатерина II пожелала видѣть донского генерала у себя въ Петербургъ и наградила его орденомъ св. Владиміра 2 степени и саблю, украшенную алмазами, съ надписью «за храбрость».

М. И. Платовъ.

Вскорѣ для Платова наступили тяжелые дни. Передъ вступившимъ на престолъ императоромъ Павломъ I обвинили славнаго донца въ томъ, что онъ хочетъ измѣнить государю и отдѣлиться съ донскими казаками отъ Россіи. Платова заточили въ холодную и сырую камеру въ Петропавловской крѣпости. Нѣсколько мѣсяцевъ томился донской генераль въ заключеніи, не чувствуя вины за собой. Наконецъ, онъ былъ назначенъ командовать казачьими полками, собранными на Дону для похода въ Индію.

Но казаки дошли лишь до Оренбургской губерніи: Императоръ Павелъ въ 1801 году скончался, и ихъ вернули обратно.

Платовъ былъ назначенъ атаманомъ донского войска.

Такъ, доблестною и честною службою, дослужился сынъ войскового старшины и внукъ простого казака до высокаго званія атамана войска донского.

Едва вступилъ Платовъ въ управленіе войскомъ, какъ задумалъ много различныхъ перемѣнъ для усиленія воинскаго духа донскихъ казаковъ. Онъ считалъ казака природнымъ воиномъ и требовалъ, чтобы отцы учили дѣтей казачьему дѣлу и сами его не забывали. Жилъ Платовъ просто. Часто собиралъ онъ вокругъ себя казаковъ и говорилъ имъ:

— Мы не рождены ходить по паркетамъ да сидѣть на бархатныхъ подушкахъ; такъ вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дѣло ходить по полю, по болотамъ, а сидѣть въ шалашахъ, или еще лучше подъ открытымъ небомъ, чтобы и зной солнечный, и всякая непогода не были намъ въ тягость. Такъ и будешь всегда донскимъ казакомъ. Всякое дѣло тогда и хорошо, пока всегда съ нимъ, а то ты отъ него на вершокъ, а оно отъ тебя на аршинъ, и такъ и пойдете вы врозь: хорошъ будетъ полкъ!

Мы уже говорили выше, какъ въ 1807 году Платовъ познакомился съ Наполеономъ и его войсками. Въ 1812 году славному атаману пришлось быть въ непрерывныхъ бояхъ съ французами—лѣтомъ и осенью прикрывая донскими полками нашу армію отъ наступающаго врага, зимою преслѣдуя его по пятамъ. Эта война покрыла имя Платова и донцовъ неувыдаемою, вѣчною славою...

3.

1812-й годъ. Армія двадцяти языкъ. Дѣла казановъ у Кореличъ, Мира, Молева Болота и Романова. Набѣгъ Платова въ тылъ французовъ.

Въ началѣ 1812 года всѣмъ у насъ стало ясно, что миръ съ Наполеономъ непроченъ. Императоръ французовъ не исполнялъ требованій нашего Государя и нарушалъ договоры. Громадная французская армія еще зимою начала стягиваться къ р. Вислѣ, гдѣ проходила тогда наша граница. Наполеонъ заготовлялъ провіантъ и фуражъ для лошадей, нанималъ подводы, усиленно готовился къ войнѣ съ нами.

У насъ также приготовлялись къ борьбѣ. Къ лѣту потребовали Платова въ армію князя Багратиона. Платовъ оставилъ за себя въ Новочеркасскѣ наказнымъ атаманомъ генерала Денисова и помчался на рѣку Вислу.

Въ его распоряженіи находилось 14 донскихъ казачьихъ полковъ и рота донской артиллеріи. Три донскихъ казачьихъ полка были въ сѣверной арміи графа Витгенштейна, прикрывавшей Петербургъ. При Багратионѣ находилось, кромѣ полковъ Платова, еще 9 полковъ и рота артиллеріи, у генерала Тучкова 1 полкъ, у генерала Торماسова 9 полковъ, и съ Дуная изъ Молдавіи не вернулось еще 14 донскихъ полковъ. Всего къ іюню 1812 года донское войско выставило 50 конныхъ полковъ. Вся молодежь, всѣ сильныя, здоровыя и крѣпкіе люди собрались на войну, лишь юноши, дѣти, старики да больные остались въ осиротѣвшихъ донскихъ станицахъ и хуторахъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ войска Наполеона собрались на лѣвомъ берегу р. Нѣмана. 600-тысячная вражеская армія двигалась на насъ.

Донскіе казаки первыми увидали французскіе полки, проходившіе черезъ границу русскую.

Въ ночь на 12 іюня 1812 года, на лейбъ-казачьей заставѣ услышали топотъ копытъ и скрипъ колесъ на другомъ берегу Нѣмана. Въ темнотѣ было видно необычайное оживленіе. Сновали лодки, подвозили понтоны.

Написалъ донесеніе лейбъ-казаціи офицеръ о переходѣ французовъ. Принялъ его расторопный донецъ и помчался въ городъ Вильну, гдѣ находился при 1-й нашей арміи Императоръ Александръ I.

Въ тотъ же день войскамъ нашимъ былъ обнаруженъ приказъ Государя.

«Не нужно, — говорилось въ этомъ приказѣ, — напоминать вождамъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, Свободу! Я съ вами. На зачинающаго Бога!»

Наши дѣйствующія войска въ это время были раздѣлены на три арміи. 1-ю армію (127.000 чел.) командовалъ генераль Барклай-де-Толли, главная квартира ея находилась въ Вильнѣ; 2-ю командовалъ князь Багратионъ (43.000 ч.), она находилась у Волковыска; 3-ю армію (40.000 ч.) — Тормасовъ, — она была на Волыни. Намъ необходимо было соединить первыя двѣ арміи, потому что только тогда мы имѣли бы достаточно силъ, чтобы противостоятъ французамъ.

Пришлось русскимъ войскамъ отступать.

Прикрывать наше отступление, задерживать, гдѣ только можно, врага, не позволять его конницѣ заглядывать къ намъ и высматривать, что у насъ дѣлается, было поручено Платову съ его казаками.

Платову шелъ уже 61 годъ. Это былъ крѣпкій, сильный воинъ, испытанный во многихъ бояхъ. Широкимъ фронтомъ гибкой лавы раскинулъ славный атаманъ свои полки. Если конница французская нажимала на лаву — они отходили, подавались назадъ, а на бокахъ, какъ грозныя тучи, скоплялись полки казацкіе и грозили атакой. И французы останавливались. Наступала ночь. Едва протянуть на французскихъ бивакахъ коновязи и разожгутъ костры, какъ уже покажутся въ ночной темнотѣ тонкія пики казацкіе, и раздастся ихъ протяжный и страшный гикъ. И безъ боя изводили казаки французовъ...

Наконецъ, 26 июня, французы рѣшили отбросить донецъ, чтобы тѣ не мѣшали имъ идти впередъ. Конный отрядъ поляковъ, подъ начальствомъ графа Турно, получилъ приказаніе смять и уничтожить отрядъ Платова. Казаки въ это время отходили къ деревнѣ *Корелли*. Польскіе уланы бросились преслѣдовать ихъ.

Тогда Платовъ, имѣвшій при себѣ полки—Атаманскій, Сысоева, Иловайскаго 5, Краснова 1, Иловайскаго 10, Иловайскаго 11, Перекопскій татарскій и Ставропольскій калмыцкій—приказалъ Атаманскому полку разсыпаться лавою и, обратившись въ притворное бѣгство, разойтись на двѣ стороны. За атаманцами, прикрывшись домами деревни Кореличи, стояли полки Сысоева и Иловайскаго 5.

Польская бригада, разозленная смѣлыми налетами атаманцевъ, стрѣлявшихъ чуть не въ упоръ изъ своихъ карабиновъ, быстро развернула свои эскадроны и бросилась впередъ. Сейчасъ же на поляковъ налетѣли казаки Сысоева и Иловайскаго. Атаманцы повернули назадъ и охватили поляковъ съ боковъ. Солдаты графа Турно защищались отчаянно, но были поколоты казачьими пиками; болѣе 250 израненныхъ уланъ попали въ плѣнъ.

«У насъ,—писалъ Платовъ въ донесеніи князю Багратиону,—уронъ былъ не великъ, потому что перестрѣлкой занимались мало, но дружно атаковали въ дропки»...

Такія стычки,—то на коняхъ съ пиками, то пѣшкомъ съ карабиномъ въ рукахъ,—у казаковъ бывали едва не каждый день; то тотъ, то другой полкъ сражался съ войсками Наполеона.

Атака донскихъ казаковъ при мѣстечкѣ Мирѣ, 27 іюня 1812 г.

Донцы и Платовъ.

Стояло жаркое, знойное лѣто съ частыми грозами. Донскіе казаки шли за арміей по опустошенному ею пути. Крестьяне не желали, чтобы дома ихъ и запасы достались французамъ. Они жгли свои дома, уничтожали хлѣбъ и фуражъ, угоняли скотъ и сами уходили въ лѣса.

Французская армія шла по обобранному, выжженному, голодному пути и по тому же пути шли донскіе казаки. Голодали французы, выбивались изъ силъ французскія лошади,—ту же долю испытывали и казаки.

Послѣ дѣла у Кореличъ, казаки снова столкнулись, 27 июня, съ польскими уланами генерала Рожнецкаго, который получилъ приказаніе занять мѣстечко *Миръ*.

У Мира стоялъ Платовъ. Къ нему подошелъ еще донской полкъ Иловайскаго 12 и отрядъ генерала Васильчикова въ составѣ 5 егерскаго полка, Кіевскаго драгунскаго, Ахтырскаго гусарскаго и Литовскаго уланскаго полковъ. Всего у Платова находилось 1.000 человекъ пѣхоты, 2¹/₂ тысячи драгунъ, гусаръ, уланъ и 4.400 донскихъ казаковъ при 12 донскихъ орудіяхъ.

Платовъ рѣшилъ самъ напасть на французовъ, не ожидая ихъ наступленія. Поставивъ пѣхоту и артиллерию за селеніемъ Миръ на Песвижской дорогѣ, герой-атаманъ выдвинулъ впередъ казаковъ, которые завязали перестрѣлку съ передовыми частями отряда Рожнецкаго и сейчасъ же начали отступать. Пылкіе поляки снова поддались обману и горячо бросились за селеніе Миръ. Но казаки такъ быстро ускакали, какъ будто ихъ и не было... Полки Рожнецкаго, Турно и Дзѣвановскаго остановились на привалѣ и стали кормить лошадей.

И вотъ тутъ-то вихремъ налетѣлъ на нихъ Платовъ. Отовсюду, изъ лѣсовъ, деревень, изъ-за песчаныхъ холмовъ мчались казаки; загремѣли на карьерѣ, срываясь на позицію донскія пушки. Уланы графа Турно бросились было на казаковъ, но ихъ встрѣтили ахтырскіе гусары.

Все перемѣшалось. Тихій лѣсъ вдругъ ожилъ отъ выстрѣловъ пѣхоты и спѣшенныхъ казаковъ. Изъ деревень, сотня за сотней, вылетали казаки. Дрались весь долгій, жаркій лѣтній день. Уже не было строя. Разсѣянные иольскіе эскадроны обратились въ отдѣльныя

кучки сражающихся и умирали съ честью. Иные сдавались, видя бесполезность защиты. Казаки взяли въ плѣнъ 12 офицеровъ и 163 улана, да около 600 лучшихъ кавалеристовъ Наполеона было убито. Платовъ руководилъ боемъ, цѣлый день не слѣзая со своего сѣраго коня.

Казаки заночевали подъ Миромъ и не оставили бы его, если бы не пришло приказаніе отступить къ Несвижу.

Наша армія отходила все дальше и дальше въ глубь Россіи. Казаки должны были ее прикрывать.

2 іюля, у мѣстечка Романова, поляки Пшепендовскаго пытались атаковать казаковъ, но были отбиты и потеряли 17 офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ, взятыхъ казаками въ плѣнъ.

Благодаря славной кровавой работѣ казаковъ въ эти знойные лѣтніе дни, армія Багратіона спокойно отошла къ Витебску и вскорѣ (22 іюля) соединилась съ арміей Барклая-де-Толли подъ Смоленскомъ. Казаки свято исполнили возложенную на нихъ задачу...

12 іюля, атаману Платову поручено было пробраться съ казаками *въ тылъ неприятелю*... Какъ ни были внимательны французы, нашъ атаманъ маленькими партіями прошмыгнулъ ночью за ихъ сторожевое охраненіе и явился въ тылу, сразу во многихъ мѣстахъ. Въ Могилевѣ, Оршѣ, Шкловѣ и Копысѣ, занятыхъ французскими войсками, хозяйничали донскіе казаки, плѣнныхъ не брали. Ихъ некуда было дѣвать, некуда отправлять: вѣдь кругомъ казаковъ,—и спереди, и сзади находились французы, казаки были въ самой серединѣ ихъ. Подъ ударами донцевъ гибли отдѣльные разъѣзды, посланные съ приказаніями вѣстовые, фуражиры. Казаки жгли французскіе запасы продовольствія и фуража. Вдругъ, сразу, за спиною у французовъ поднимались зарева пожаровъ, черный дымъ тянулся къ небу... Отовсюду шли донесенія съ просьбою о помощи. Когда утомленная французская конница приходила на помощь—уже никого не было: казаки исчезали, какъ дымъ.

Донцы знали, какъ дѣлать набѣги! Ихъ учили этому черкесы и татары. Набѣгъ казачій былъ быстръ и внезапенъ. За этотъ набѣгъ донцы истребили болѣе 2.000 французовъ, взяли въ плѣнъ 13 офицеровъ и 630 нижнихъ чиновъ.

Не успѣли французы оправиться, какъ между 1 и 4 августа Платовъ снова появился у нихъ въ тылу и опять хозяйничалъ!

Не даромъ извѣстный въ то время поэтъ В. А. Жуковский, воспѣвший въ прекрасныхъ стихахъ всѣхъ героевъ 1812 года, такъ написалъ про Платова:

Хвала! нашъ вихорь-атаманъ!
Вождь невредимыхъ — Платовъ,
Твой очарованный арканъ—
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь!
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ:
Деревья сыплютъ стрѣлы.
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ.
Лишь къ селамъ—пышутъ села.

Никто во французской арміи и нигдѣ не могъ быть убѣжденъ, что на него не налетятъ казаки. Приходилось удваивать число людей, наряженныхъ на заставы и охраненіе. Французская конница изнемогала въ борьбѣ съ казаками.

А какими молодцами были казаки въ одиночныхъ схваткахъ съ врагомъ! Однажды донская лава дружно ударила на нѣмецкій эскадронъ Наполеоновскихъ войскъ и разсѣяла его. Казаки помчались преслѣдовать разсыпавшихся по всему полю гусарь. Одинъ донецъ примѣтилъ богато одѣтаго всадника и рѣшилъ захватить его въ плѣнъ. Конь подъ казакомъ былъ добрый. Молодецъ живо настигъ непріятеля и хотѣлъ заколотъ его пикой. Но офицеръ разрубилъ древко пики. Казакъ живо бросилъ пику и съ саблей бросился на врага, но офицеръ, — видимо, отличный фехтовальщикъ, — ловко выбилъ саблю изъ рукъ казака. Казакъ не растерялся, схватилъ плеть, заскочилъ сзади офицера и такъ перетянулъ его по спинѣ, что тотъ безъ чувствъ свалился на землю.

И хитры были казаки, и ловки!

15 іюля, у насъ происходило сраженіе *подъ Витовскомъ*. Въ этой битвѣ графъ Орловъ-Денисовъ съ лейбъ-казаками атаковалъ французскую конницу и опрокинулъ. Четыре молодца лейбъ-казака такъ увлеклись преслѣдованіемъ, что вскочили на батарею, на которой стоялъ самъ Наполеонъ. Ихъ захватили въ плѣнъ. Наполеонъ залюбовался удалцами,

приказалъ ихъ привести къ себѣ, накормить и хорошо обходиться съ ними.

Сраженіе кончилось... Войска расположились бивакомъ. Казаки, окруженные толпою французовъ, стояли подъ конвоемъ. Разныя мысли бродили у нихъ въ головахъ и главная мысль — бѣжать. Они стали знаками показывать, что имъ жарко, и проситься къ рѣкѣ. Конвойные согласились. Всѣ четыре донца направились къ берегу. Подойдя сюда, они, взглянувъ другъ на друга, произнесли: „ну!“—и всѣ четверо бросились съ обрыва въ Двину.

Конвойные растерялись, открыли по удальцамъ огонь, а тѣ, знай себѣ, плывутъ да ныряютъ, ныряютъ да плывутъ...

Такъ и ушли...

Переплыть съ конями рѣку, ударить ночью на бивакъ — дѣло привычное для казака. Лейбъ-гвардіи казачій полкъ, въ разгаръ лѣта, стоялъ по Западной Двинѣ. Командиръ графъ Орловъ-Денисовъ замѣтилъ, что одинъ французскій пикетъ (по-теперешнему—застава) слишкомъ выдвинулся впередъ и стоитъ одиноко.

— Станичники,—сказалъ командиръ гвардейцамъ,— надо бы намъ его отхватить.

Въ отвѣтъ вызвался поручикъ Венедиктъ Коньковъ съ двадцатью пятью удальцами. Казаки раздѣлись до нага, изъ оружія взяли съ собою только пики и бросились вплавь черезъ рѣку. Взобравшись по крутому берегу, казаки атаковали пикетъ такъ неожиданно, что французы не успѣли сдѣлать выстрѣла. Наши удальцы покололи часть враговъ, другихъ взяли въ плѣнъ и отправили на свой берегъ... Этого мало,— Коньковъ съ голыми храбрецами мчится на самый бивакъ французовъ и атакуетъ, кого попало. Цѣлый кавалерійскій полкъ поднимается по тревогѣ и мчится за нашими. Казаки—къ берегу, съ кручи въ воду—и никто не посмѣлъ пойти за ними въ рѣку. Нѣсколько пуль просвистало надъ головами казаковъ, а они, удалые, спокойно вернулись на свой бивакъ...

4.

Битва у Колоцкаго монастыря. Смерть генерала Краснова I.

Послѣ оставленія Смоленска (6 августа 1812 года) наши арміи начали отступать по направленію къ Москвѣ. Рѣшительныхъ боевъ не происходило. Слишкомъ силенъ

и многочисленъ былъ врагъ, чтобы мы могли его сразу одолѣть. У Царева-Займища, къ арміямъ прибылъ назначенный Государемъ общій главнокомандующій надъ всѣми вооруженными силами, дѣйствовавшими противъ Наполеона, великій старецъ Кутузовъ, когорый пользовался сильною любовью солдатъ и всего народа. Онъ былъ извѣстенъ, какъ сподвижникъ Суворова, онъ былъ его любимымъ ученикомъ. Когда Кутузовъ первый разъ объѣзжалъ армію, надъ его головой носился орелъ. «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ», говорили въ арміи. Въ войскахъ ожидали большого сраженія съ врагомъ. Надежды на побѣду крѣпли.

Во второй половинѣ августа всѣ старшіе начальники и въ томъ числѣ Платовъ были вызваны къ Кутузову на совѣтъ относительно сраженія подъ Москвою.

Донской корпусъ остановился недалеко отъ села Бородина, у Колоцкого монастыря. Командовалъ донскими полками, въ отсутствіи Платова, шестидесятилѣтній генераль-майоръ Красновъ. Простымъ казакомъ при матушкѣ Екатеринѣ началъ онъ службу, совершалъ походы съ Суворовымъ, два раза былъ раненъ, ходилъ на штурмъ Измаила. Умѣлъ хорошо драться старый казакъ, а въ этомъ бою показалъ онъ, что умѣлъ хорошо и умереть.

25 августа, донская артиллерія завязала бой. Французы отвѣчали ей. Подъ прикрытіемъ своихъ пушекъ, французы бросились въ атаку. Вылетѣли навстрѣчу донскія лавы и впереди ихъ—Красновъ. Въ это время французское ядро раздробило ему правую ногу. Превозмогая боль, Красновъ отдалъ приказаніе атаковать французовъ и, теряя сознаніе, поддерживаемый есауломъ Галдинымъ, поѣхалъ въ лазаретъ. По дорогѣ его встрѣтилъ генераль Иловайскій 5.

— Отражай враговъ,—сказалъ ему Красновъ,—а я умру радостно, услыша, что врагъ побѣжденъ.

У перевязочнаго пункта его сняли съ сѣдла, положили на коверъ и отняли ногу. Онъ молчалъ. Герой зналъ, что умираетъ. На томъ же покрытомъ кровью коврѣ его отнесли къ палаткѣ Кутузова.

— Что наши?—спросилъ онъ слабѣющимъ голосомъ. — Приподнимите меня, я хочу посмотрѣть, что дѣлаютъ наши.

Но уже глаза умирающаго ничего не видѣли.

— Бьютъ французовъ,—сказали ему.

— Дай Богъ,—чуть слышно произнесъ Красновъ, слабѣющей рукою перекрестился и умеръ подъ боевой грохотъ донскихъ пушекъ и перекатный огонь наступавшей пѣхоты.

Казаки отступали, очищая поле сраженія. Къ селу Бородину стягивалась вся наша армія.

5

Бородинское сраженіе 26 августа 1812 г.

Бородинская битва сломила силы Наполеона. Хотя она не уничтожила его арміи, но впервые показала всему міру, что есть люди, которыхъ не могутъ побѣдить ни знаніе, ни геій Наполеона, ни его отличное побѣдоносное войско. Подъ Бородинымъ Наполеоновская армія разбилась о мужество русскихъ. Наполеонъ почувствовалъ, что значить сила русскаго народа,—народа Богоносца, который въ сердцѣ своемъ говоритъ: съ нами Богъ!

Сошлись двѣ арміи, громадныя по тогдашнимъ понятіямъ. У насъ было 103 тысячи человекъ, у Наполеона 152.000... Обѣ стороны жаждали боя, ждали развязки этого томительнаго отступленія.

И старый солдатъ, сподвижникъ Суворова, выдавшій виды, въ непрерывныхъ походахъ проведеншій полжизни, и паренъ - ополченецъ, въ бѣлой рубахѣ и черной шапкѣ съ крестомъ, — всѣ равно понимали, что настала часъ побѣдить или умереть.

Въ тотъ самый день, когда генеральтъ Красновъ съ донцами дрался у Колоцкаго монастыря, на обширномъ Бородинскомъ полѣ закончили постройку земляныхъ укрѣпленій. Солдаты прочищали ружья, оттачивали штыки, одѣвали чистыя рубахи, молчаливо готовились къ смерти. По фронту нашихъ войскъ обносили Смоленскую чудотворную икону Божіей Матери съ молитвеннымъ пѣніемъ.

Къ ночи прошли за лагерь донскіе полки и очистили поле для боя, впереди окоповъ оставалась только жидкая линія пѣхотныхъ пикетовъ.

Лишь первые лучи солнца начали скользить по открытой туманомъ долинь, какъ 100-орудійная французская батарея окуталась клубами бѣлаго дыма. Сраженіе началось.

Вамъ не видать такихъ сраженій!
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестя, картечь визжала,
Звучалъ булатъ,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Непріятельскіе полки за полками, съ музыкою и барабаннымъ боемъ, устремлялись на русскія укрѣпленія. Они останавливались, окутывались дымомъ ружейныхъ залповъ и шли снова. Ядра и пули вырывали цѣлые ряды. Раздавалась команда: «сомкнись!» и полки шли... А навстрѣчу имъ изъ-за земляныхъ валовъ поднимались ряды русскихъ полковъ. Они шли мѣрнымъ тяжелымъ шагомъ, кололи штыками и крушили прикладами.

Солнце поднималось къ полудню. Наполеонъ готовилъ послѣдній рѣшительный ударъ, чтобы сломить упорство русскихъ и—побѣдить!..

Въ это-то время ему доложили, что въ тылу у него, въ обозахъ, хозяйничаютъ казаки.

Оказалось, что въ самомъ началѣ сраженія Платовъ отобралъ нѣсколько полковъ съ болѣе свѣжими лошадыми, перешелъ съ ними въ бродъ рѣку Колочу, обогнулъ слѣва расположеніе французовъ и отчаянно смѣло налетѣлъ на французскіе обозы.

Какой-то резервный батальонъ пытался задержать казаковъ своею пальбою, но станичники прижали подъ мышку свои дротики и вихремъ налетѣли на пѣхоту. Опрокинувъ прикрытіе обозовъ, казаки разсѣялись по повозкамъ и стали разбирать и развязывать ихъ.

Наполеонъ, собравшій уже конницу, чтобы двинуть ее на русскія войска, приказалъ ей слѣзть къ обозамъ, чтобы прогнать казаковъ. Лихимъ удальцамъ пришлось отойти.

Но этотъ набѣгъ донскихъ казаковъ въ тылъ французской позиціи на Бородинскомъ полѣ задержалъ атаку французовъ и далъ нашимъ возможность снова устроиться. Когда французы двинулись опять, всѣ ихъ атаки были отбиты...

Въ 6 часовъ вечера сраженіе совсѣмъ прекратилось. Мы не уступили врагу ни пяди земли...

Ночью рѣшался вопросъ: продолжать ли бой на завтра, чтобы, быть-можетъ, побѣдить Наполеона, а можетъ-быть, потерять всю армію или безъ боя отходить къ Москвѣ.

Поздно ночью пришло приказаніе Кутузова отступить. 27 августа, наши войска отошли на полторы версты, а потомъ двинулись къ Москвѣ. Французы не преслѣдовали насъ.

Наступилъ роковой часъ. Созрѣло рѣшеніе отдать врагу Москву безъ боя. Боль и печаль проникли до глубины русскихъ сердець, но не было унынія. Напротивъ, въ каждомъ русскомъ горячей волной поднялось озлобленіе противъ врага. Старый и малый спѣшили стать на защиту Родины, собирались громадныя ополченія, и потрясенная, погибшая наполовину, русская армія поднималась снова со страшною силою.

6.

Платовъ на Дону. Донцы выступаютъ на войну поголовно.

31 августа, Платовъ въ почтовой бричкѣ помчался на Донъ поднимать на защиту Россіи все войско донское.

— Родную дочь свою отдамъ замужъ за того казацкишу, который возьметъ мнѣ въ плѣнъ Наполеона, — повторялъ старый атаманъ.

По всѣмъ станицамъ и хуторамъ донского войска разѣхались посланные Платовымъ гонцы и повторяли станичникамъ атамановы слова:

— Похваляется врагъ, — говорили они, — пройти Русь до самыхъ береговъ тихаго Дона. Если Богъ попуститъ врага осквернить своимъ присутвіемъ казачью землю, тогда не пощадитъ злодѣй ни женъ, ни дѣтей нашихъ, поругаетъ онъ храмы Господни,

Марія Матвѣевна Платова—дочь
гр. М. И. Платова.

встревожить прахъ отцовъ нашихъ и смѣшаетъ горячую казачью кровь съ волнами тихаго Дона... Атаманъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ донцовъ стать на защиту Царя и Отечества.

— Скорѣе умремъ, но не выдадимъ Россію и тихій Донъ на поруганіе французамъ, — говорили казаки.

И шумѣлъ тихій Донъ говоромъ и гомономъ собирающагося въ походъ народа...

Шли на войну старики, давно уволенные въ отставку, шли единственные сыновья, послѣдняя опора семьи. Забывались и заколачивались досками окна въ казачьихъ мазанкахъ. За безцѣнокъ продавали имущество, чтобы снарядиться въ походъ. Болѣе зажиточные помогали бѣднякамъ, какъ въ старину, сообща собирались, общими силами снаряжали полки. По станицамъ и хуторамъ оставались только немощные старики да женщины съ малыми ребятами.

Въ тѣ поры и зародилась на Тихомъ эта торжественно грустная, какъ молитва звучащая пѣсня донская:

Ой, ты, батюшка нашъ, славный тихій Донъ!
Ты, кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ,
Про тебя-то лежить слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая!
Какъ, бывало, ты все быстерь бѣжишь,
Ты быстерь бѣжишь, всё чистехонекъ,
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь.
Помутился ты, Донъ, сверху донизу!
Рѣчь возговорить славный тихій Донъ:
„Ужъ какъ-то мнѣ все мутно не быть:
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ!
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ“.

Донское дворянство выставило неимущимъ казакамъ изъ своихъ табуновъ 1.500 лошадей. Торговые казаки собрали 100 тысячъ рублей на нужды поголовнаго донского ополченія, каждый жертвовалъ, чѣмъ могъ; у кого было два коня — отдавалъ одного тому, у кого не было ни одного; у кого имѣлось лишнее сѣдло, полушубокъ, — жертвовалъ неимущему.

Въ самое короткое время, меньше мѣсяца, собралось *26 полковъ* и снаряжено *6 орудій донской конной артиллеріи*. На смотръ Платову выѣхали пестрые, но грозные полки. Въ одномъ ряду стояли и старый дѣдъ съ сѣдою бородою, съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами,

Гр. М. И. Платовъ съ казаками въ лѣсу.

и внукъ его, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, крѣпко сжимающій загорѣлой ручонкой пику...

Платовъ приказалъ полкамъ съѣхаться въ кругъ, и въ осеннемъ воздухѣ, тихомъ и тепломъ, прозвучали напутственныя слова стараго атамана:

— Друзья, — говорилъ Платовъ, — самъ милосердный Богъ устроилъ вашу путь! Наступило время донцамъ

доказать всю силу нашего усердія къ Богу, Государю и Отечеству. Мы въ душахъ запечатлѣли милости Царскія; у насъ въ душахъ и Отечество. Не щадя головъ своихъ, докажемъ мы снова наше рвеніе, нашу любовь! Вы—донцы! Вы—сыны земли Русской! Не утерпѣли ваши сердца. Вы—прилетѣли, соучастники общей славы. Друзья! Злодѣй въ стѣнахъ Москвы!... Онъ все въ пепель обращаетъ; онъ, можетъ-быть, алчетъ распространить звѣрство свое и въ дальнюю внутренность Россіи. Преградимъ путь врагу свирѣпому: умремъ или выгонимъ его изъ земли русской. Вы охотно пришли подкрѣпить насъ... Правосудный Богъ намъ поможетъ. Врагъ идетъ на насъ съ адомъ—мы на него пойдемъ съ крестомъ животворящимъ. Если бы Богъ попустилъ, если бы врагъ прорвался до береговъ тихаго Дона, не пощадилъ бы онъ ни женъ, ни дѣтей нашихъ! Кровь наша смѣшалась бы съ волнами тихаго Дона! Поруганы были бы храмы Господни. Встревожили бы прахъ отцовъ нашихъ!.. Друзья и братья! восыликнемъ къ Господу силъ: «Не для насъ, Господи, для имени Твоего вспомошествуй намъ поразить, устыдить и изгнать врага!..»

Изъ рядовъ раздались громкіе, смѣлые, бодрые голоса:

— Готовы умереть вездѣ, гдѣ ты, нашъ отецъ, намъ прикажешь. Отмстимъ, отмстимъ злодѣямъ за кровь братьевъ нашихъ! Умремъ, а далѣе врага не пустимъ!

И донцы свято исполнили свое слово. Многіе изъ нихъ, очень многіе умерли отъ ранъ, отъ морозовъ и лишеній, но остальные изгнали врага изъ Россіи.

— Одинъ разъ родила казака мати, — говорили донцы, — одинъ разъ и умirati!..

7.

Отступленіе арміи Наполеона. Жертва казановъ.

За время пребыванія французовъ въ Первопрестольной русская армія, стоя лагеремъ у Тарутина, оправилась, отдохнула, усилилась подоспѣвшими подкрѣпленіями. Солдаты пріободрились. Войска рвались въ бой.

И вотъ 5 октября, шестью колоннами направилась наша армія къ передовому французскому отряду принца

Мюрата, стоявшему въ 60 верстахъ отъ главныхъ силъ Наполеона.

Въ правой колоннѣ шло десять казачьихъ полковъ подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова. Всѣ наши колонны должны были одновременно на разсвѣтѣ подойти къ врагу и напасть на него.

Свѣтало... Вѣтеръ билъ голыми вѣтвями, срывая съ нихъ послѣдніе бурые листья. Казаки лавою потянулись по опушкѣ лѣса. Настала часъ, назначенный для атаки. Удальцы сѣли на лошадей и съ гикомъ понеслись на врага. Весь лагерь лѣваго крыла противника съ 38-ю орудіями былъ охваченъ и занятъ казаками. Они разсыпались по биваку, били отсталыхъ, хватали оружіе, вывозили пушки, поджигали зарядные ящики. Показалась и русская пѣхота; началось сраженіе подъ Тарутинымъ. Мы побѣдили французовъ и побѣдили ихъ первый разъ.

Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ.

Врагъ отступалъ, а казаки шли за нимъ по пятамъ. 6 октября 1812 года, Наполеонъ рѣшилъ покинуть обгорѣлую Москву.

12 октября, наши войска дрались *подъ Малоарославцемъ*, и казаки, преслѣдуя французовъ, не выпустили врага изъ своего наблюденія. 13 октября, утромъ, Наполеонъ съ двумя генералами Раппомъ и Коленкурромъ и въ сопровожденіи конвоя отправился осмотрѣть мѣсто сраженія у Малоарославца. Не успѣли они отъѣхать и версты отъ бивака своихъ войскъ, какъ увидѣли у деревни *Городни* выходившую изъ лѣса стройную колонну. Люди ѣхали въ такомъ порядкѣ, такъ

отлично равнялись въ отдѣленіяхъ, что Наполеонъ и его спутники были введены въ заблужденіе: они были увѣрены, что это идетъ французская конница. Вдругъ конница быстро выстроила фронтъ... Зловѣще склонились ея пики.

— Государь! Это—казаки!—воскликнулъ испуганный Коленкуръ.

— Не можетъ быть,—отвѣчалъ Наполеонъ.

Но это были казаки.

Раппъ схватилъ подъ уздцы лошадь Наполеона и помчался назадъ.

Казаки налетѣли на конвой и вмигъ разметали его. Они захватили бы въ плѣнъ и самого Наполеона, да не узнали его,—и помчались на бивакъ гвардейской артиллеріи, гдѣ взяли 40 орудій; 11 увезли, а 29 испортили. Удальцы отошли только тогда, когда на нихъ налетѣлъ французскій генераль Бессьеръ со всею гвардейской конницей...

Въ ноябрѣ начались морозы, повалили хлопьями густой снѣгъ и замелъ поля и дороги. Французы отступали по тому самому пути, по которому они пришли

Атаманъ Платовъ, во главѣ допскихъ казаковъ, атакуеть французъ въ концѣ октября 1812 г. (Рис. Д. Скоттъ).

въ Россію,—по пути, ими самими разоренному. Въ войскахъ Наполеона начался голодъ. Казаки отбивали у непріятеля обозы и отдѣльно отправляли назадъ все церковное серебро. Этого серебра за зиму 1812 года удалыцы отбили 40 пудовъ, они отдали его Кутузову съ просьбою пожертвовать на нужды церкви.

Изъ этого серебра сдѣланъ великолѣпный иконостасъ въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, гдѣ покоится прахъ незабвеннаго вождя Кутузова и хранятся отбигля у французовъ въ 12-мъ году знамена и другіе предметы. Подъ чудотворной иконой Богоматери имѣется скромная надпись: «усердное приношеніе войска Донского».

Да кромѣ того Платовъ передалъ 10 пудовъ серебра и 20.000 рублей на возобновленіе ограбленныхъ французами храмовъ Донского монастыря въ Москвѣ.

8.

У Вопи, Смоленска и Гусинаго. Изгнаніе французовъ изъ Россіи.

Въ концѣ октября, часть Наполеоновской арміи, состоявшая изъ итальянцевъ, подошла къ р. Вопи и, не найдя моста, стала переправляться въ бродъ по поясъ въ водѣ. Былъ сильный морозъ. Крутые берега Вопи обледянѣли. Солдаты скатывались въ воду, ушибались о льдины, обмораживали себѣ руки. Сзади колонны слѣдовали большой обозъ и вся артиллерія.

Вдругъ раздались выстрѣлы. Это—появились казаки. Итальянцы бросили всю артиллерію и обозъ и въ безпорядкѣ переправились черезъ рѣку. Казаки захватили 23 орудія, весь обозъ и 2.000 плѣнныхъ.

Издрогшіе, измученные итальянцы приближались къ деревнѣ Духовщинѣ, гдѣ надѣялись немного обогрѣться. Но тамъ стоялъ генераль Иловайскій 12 съ двумя казачьими полками. Итальянцамъ пришлось въ тяжелой переправы, заночевать въ полѣ. Утромъ 29 октября, они всѣми силами напали на казаковъ Иловайскаго и заставили ихъ очистить Духовщину, но къ полудню примчался вихрь-атаманъ Платовъ, разгромилъ итальянскій отрядъ, забралъ всѣ пушки и 1 ноября выгналъ жалкіе остатки итальянскаго корпуса, безъ конницы всего съ 12-ю пушками въ Смоленскъ. За дѣла между Вопью и Смоленскомъ атаманъ Платовъ пожалованъ *графомъ Россійской Имперіи*.

Французская конница гибла подъ ударами казаковъ; безъ конницы же непріятельскіе отряды оставались неохранными и избивались казаками. Ни на одномъ бивакѣ враги не чувствовали себя спокойно.

3 ноября, подъ городомъ Краснымъ наши войска насѣли на французовъ и заставили ихъ бѣжать. Ночью послѣ сраженія въ непріятельской арміи никто не спалъ. Въ мѣстечкѣ Лядахъ двѣ сотни казаковъ съ крестьянами заставили продержатъ всю французскую армію въ ружьѣ.

Побѣда при Духовщинѣ въ окт. 1812 г. (Рис. Д. Скотта).

Графъ Платовъ въ ноябрѣ насѣлъ на самаго мужественнаго и стойкаго изъ полководцевъ Наполеона — маршала Нея.

5 ноября, вихрь-атаманъ вошелъ въ Смоленскъ и узналъ, что оттуда только что вышелъ Ней. Оставивъ въ Смоленскѣ 20 егерскій полкъ и сотню казаковъ, Платовъ съ остальными донцами помчался по слѣдамъ французовъ.

Сотникъ Наркинъ, шедшій въ головѣ отряда генераль-майора Денисова, скоро нашелъ 112 орудій, брошенныхъ непріателемъ на большой дорогѣ, въ 17 вер-

стахъ отъ Смоленска. Ясно, что отступленіе врага происходило поспѣшно.

Атаманъ съ 12 полками шелъ по глубокому снѣгу, то по узкимъ проселкамъ, то прямо полями, стараясь преградить путь маршалу Нею. Ней велъ свои войска въ густыхъ колоннахъ по самому берегу Днѣпра; вправо и влѣво онъ выслалъ стрѣлковыя цѣпи.

Недалеко отъ села *Гусинаго* Платовъ нагналъ маршала, обстрѣлялъ его изъ пушекъ и захватилъ много плѣнныхъ. Въ то же время другая часть казаковъ съ пушками донской артиллеріи, увязая въ глубокомъ снѣгу, пробилась черезъ лѣсъ и вышла наперерѣвъ Нею.

Цѣлый его корпусъ бѣжалъ передъ нѣсколькими казачьими полками. Ней бросился навстрѣчу бѣглецамъ и громовымъ голосомъ крикнулъ:

— Солдаты! неужели вы предпочтете постыдный плѣнъ славной смерти за императора и Францію?

И изнемогшіе герои снова построили колонны и пробились сквозь рѣдкія цѣпи казаковъ.

Къ ночи Ней дошелъ до Дубровны, а на разсвѣтъ Платовъ выгналъ его оттуда. 8 ноября, Ней пѣшкомъ дошелъ до Орши, гдѣ соединился съ арміей Наполеона.

15 и 16 ноября, императоръ французовъ съ остатками своей арміи переправился черезъ р. Березину, а 23 ноября онъ уѣхалъ въ каретѣ во Францію собирать новую армію.

Остатки «двадцати языкъ» велъ и прикрывалъ мужественный Ней. Его преслѣдовалъ Платовъ съ дон-

А. К. Денисовъ.

скими казаками и донскими пушками, поставленными на полозья.

Французская армія представляла толпу оборванныхъ, голодныхъ нищихъ. Она торопилась уйти изъ предѣловъ Россіи. На многихъ бивакахъ находили замерзшихъ людей, а въ котлахъ—варившееся человѣческое мясо. Это уже было не отступленіе, а бѣгство.

Ней пытался остановиться въ Ковнѣ, гдѣ находились пушки и свѣжія нѣмецкія войска. Но при приближеніи русскихъ, нѣмцы бѣжали. Въ концѣ ноября послѣдніе остатки французской арміи перешли черезъ Нѣманъ, а къ 15 декабря 1812 года ни одного француза не было на русской землѣ.

Казачій корпусъ графа Платова остановился на Нѣманѣ почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ встрѣтилъ французовъ.

Велики были заслуги донцовъ за эти полгода. Они истребили болѣе 18.000 враговъ, взяли въ плѣнъ 10 генераловъ, 1.047 штабъ-и оберъ-офицеровъ и около 40.000 нижнихъ чиновъ. Знаменъ отбито 15, пушекъ 364 и 1.066 зарядныхъ ящиковъ.

Но не дешево достались эти успѣхи. Многіе полки, въ тысячномъ составѣ вышедшіе отъ Нѣмана въ іюнѣ, дошли на тотъ же Нѣманъ въ декабрѣ въ составѣ 150 человѣкъ. Донцы гибли въ бояхъ, гибли отъ ранъ, отъ болѣзней, отъ холода и голода. Преслѣдуя армію Наполеона по пятамъ, они испытывали всѣ тѣ ужасы, которые выпали и на долю непріятели.

Не въ одной казачьей семьѣ въ эту тяжелую годину казачки пѣли:

Какъ и всѣ-то полки съ моря домой идутъ,
А мово-то друга милаго коня ведутъ,
А на конѣ-то лежитъ сѣдельце черкесское,
На сѣдличкѣ лежитъ подушка козловая,
Во подушечкѣ лежитъ рубашечка бѣлая.
Не чистымъ-то-чисто она вымыта.
Да въ крови-то вся она измазана...
Умиралъ молодець, друзьямъ приказывалъ:
„Какъ впуститъ Господь васъ на тихій Донъ,
Отнесите вы моей женѣ поклонъ!
Скажите, чтобы не мыла рубашечку въ рѣчной водѣ,
А чтобъ выбанила ее горячей слезой,
Да чтобъ не сушила ее на солнышкѣ,
А чтобъ высушила ее на своей груди!..“

Награды донскимъ казанамъ за Отечественную войну.

Но велика была зато и слава, и честь, и благодарность Государева войску донскому. Въ началѣ декабря 1812 года, къ нашей дѣйствующей арміи прибылъ Императоръ Александръ I и приказалъ войскамъ переходить черезъ Нѣманъ и преслѣдовать французовъ за границу.

Наступилъ 1813 годъ, а съ нимъ вмѣстѣ и новый славный походъ русскихъ войскъ и съ ними—донскихъ казаковъ.

Отечественная война, война за Отечество, была кончена. Москва, разрушенная и разоренная, была отомщена и вскорѣ возродилась изъ пепла. Русскую армію и донскихъ казаковъ съ ихъ вихремъ-атаманомъ ждали новыя побѣды въ нѣмецкой и французской земляхъ. Думалъ ли Наполеонъ, въ сентябрѣ 1812 года вступающая въ Москву, что 19 марта 1814 года донскіе полки будутъ стоять

В. Д. Иловайскій 12-й.

биваками въ столицѣ французской, Парижѣ?

Истинно: съ нами Богъ!

За славные подвиги въ великую Отечественную войну войско донское получило отъ Императора Александра I грамоту и бѣлое георгіевское знамя.

Въ грамотѣ Царской было написано:

„Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр., и пр., и пр. На Донъ, въ нижнія и верхнія юрты, Нашимъ атаманамъ и казакамъ,

войсковому атаману генералу-отъ-кавалеріи графу Платову, правительству войска донского и всему оному знаменитому войску, Намъ вѣрно любезному:

„Донское наше воинство въ минувшую съ французами войну усердіемъ, подвижностью и храбрыми дѣйствіями своими оказало важныя отечеству услуги. Поголовное ополченіе и прибытіе онаго въ знатныхъ силахъ къ нашей арміи было толь поспѣшное и скорое, которое тогда токмо бываетъ, когда совершенная къ исполненію долга своего ревность всѣхъ и каждого одушевляетъ и движетъ. Мужественная и неутомимая бдительность войскового атамана графа Платова, такожъ и сподвизавшихся съ нимъ всѣхъ войска сего храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и всѣхъ вообще донскихъ урядниковъ

А. В. Иловайскій 4-й.
(Съ портр. раб. художн. Дау).

и казаковъ, много способствовала къ преодолѣнію великихъ силъ непріятельскихъ и къ одержанію надъ нимъ полныхъ и знаменитыхъ побѣдъ. Они непрестанными на него нападеніями и частыми съ нимъ битвами вслѣдъ возбраняли ему способности къ продовольствію и черезъ то привели всю многочисленную конницу его въ совершенное изнуреніе и ничтожество. Когда потомъ, послѣ многихъ бѣдственныхъ для него сраженій, былъ онъ побѣдоноснымъ нашимъ воинствомъ пораженъ, обращенъ въ бѣгство и преслѣдованъ, тогда на пути въ новыхъ съ нимъ жаркихъ сраженіяхъ отбито у него бывшими подъ предводительствомъ нашего храбраго атамана графа Платова донскими казаками знатное число артиллеріи со многими взятыми въ плѣнъ генералами ихъ, офицерами и солдатами. Сверхъ сего, непріятель, безпрестанно ими обезпокоиваемый, принужденъ былъ многія орудія свои, со всѣми къ нимъ принадлежностями, затоплять въ болотахъ и рѣкахъ или, не успѣвая и того сдѣлать, оставлять намъ въ добычу, такъ что въ продолженіе бѣгства своего за предѣлы Россійскіе претерпѣлъ всеконечное и совершенное истребленіе.

„Толь знаменитые заслуги и подвиги донского войска Нашего, коими ознаменовало оно себя подъ начальствомъ Намъ вѣрностью преданнаго войскового атамана графа Платова, въ кампанію 1812 г. и болѣе въ продолженіе войны во многихъ битвахъ, съ изданія манифеста 13 апрѣля 1813 года до заключенія мирнаго трактата въ Парижѣ, налагають на Насъ долгъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣ-

тельствовать и повторить изъявленные въ памянутомъ манифестѣ справедливую Нашу къ нему признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу его въ памяти потомковъ.

„Въ справедливомъ уваженіи къ симъ отличнымъ подвигамъ знаменитаго донского войска и въ знакъ Монаршаго попеченія Нашего о его славі, жалуетъ Мы ему, отъ лица благодарнаго Отечества, знамя, отличныя дѣянія войска въ незабвенную для Россіи войну изображающее.

„Да нѣкогда сыны сыновъ вѣрнолюбезнаго Намъ войска донского, преднося предъ рядами своими сію святую хоругвь славы и отечества, вспомнятъ дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру.

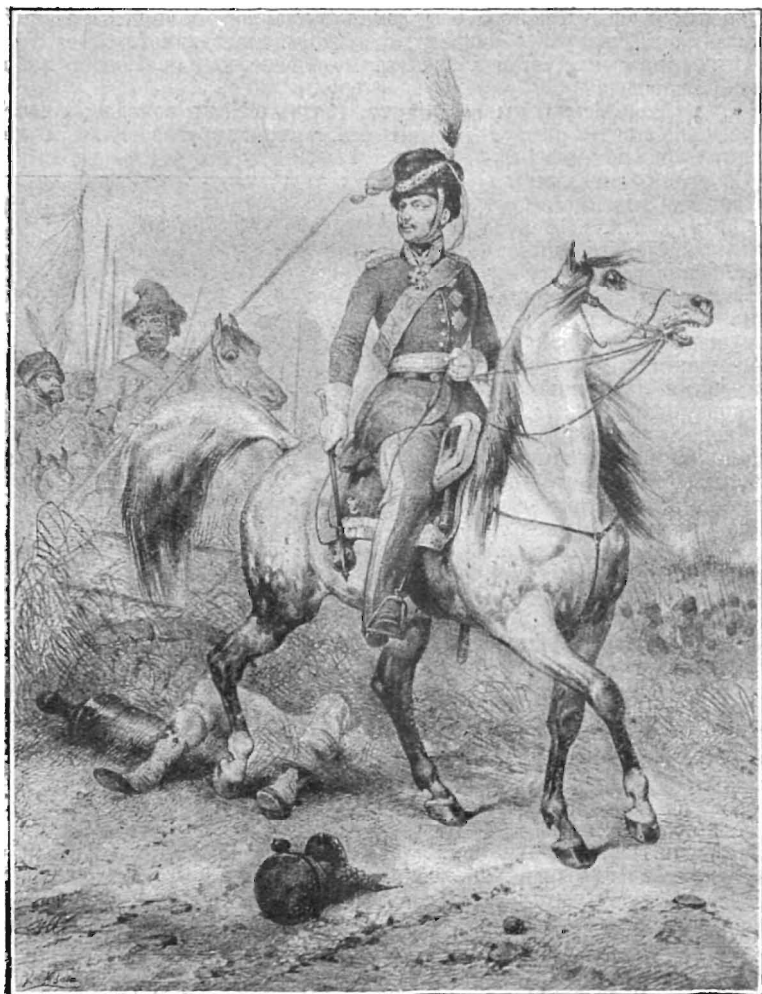
„Въ довершеніе всемилостивѣйшаго благоволенія Нашего къ донскому войску, Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, во Божѣ почивающими высокими предками Нашими ему дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго; неприкосновенность всей округности его владѣній, со всѣми выгодами и угодами, грамотами любезнѣйшей бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великіи 27 мая 1793 и Нами въ 1811 году августа въ 6 день утвержденную и толикими трудами, заслугами и кровію отцовъ его приобрѣтенную

Ген. М. П. Грековъ.

„Мы надѣмся, что таковая признательность Наша, вѣрнолюбезному войску донскому нынѣ изъявляемая, обратится ему въ священную обязанность стремиться съ новою ревностью къ новымъ подвигамъ по первому воззванію отечества. Пребывая ко всему донскому войску и къ каждому чину и чиновнику онаго въ особенностіи Императорскою Нашею милостію благосклонны, благоволили Мы подписать сію грамоту собственною Нашею рукою и Государственною печатью утвердить повелѣли“.

Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ получилъ георгіевскій штандартъ и серебряныя трубы за Лейпцигъ (4 октября 1813 г.), *Атаманскій полкъ* получилъ георгіевское бѣлое знамя и голубой бунчукъ съ надписью: «*Буди,*

Атаманъ М. И. Платовъ съ донскими казаками.

Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя; полки *Дьячкина, Жирова, Власова 3, Иловайскаго 11, Грекова 18, Мельникова 4 и Мельникова 5* получили *георгиевскія знамена.*

И теперь имена донскихъ героевъ, особенно прославившихъ себя въ эту славную годину, носятъ донскіе полки:

4-й донской казачій имя *графа Платова.*

8-й донской казачій имя *генерала Иловайскаго 12.*

9-й донской казачій имя *генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова.*

13-й донской казачій имя *генералъ-фельдмаршала князя Кутузова - Смоленскаго.*

15-й донской казачій имя *генерала Краснова 1, убитаго 25 августа 1812 года подъ Колоцкимъ монастыремъ.*

16-й донской казачій имя *генерала Грекова 8.*

Прославленные и превознесенные возвращались съ похода казаки. Они слѣзали на донской землѣ съ усталыхъ коней, становились на колѣни, цѣловали землю и говорили:

— Да, заслужили наши казаки Богу, Государю и всевеликому войску донскому!..

Намъ, ихъ внукамъ и правнукамъ, остается только подражать имъ и стараться подвигами воинскими вплести новые и новые лавры въ вѣнокъ славы Державы Россійской и нести такое же безкорыстное служеніе Родинѣ, съ такою же удалью, смѣлостью и ловкостью, чѣмъ отличались донцы 1812 года, незабвенные герои Тихаго Дона.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Донскіе казаки на канунѣ войны 1812 года. Устройство полковъ. Первыя встрѣчи съ французами. Суворовская школа	5
2. Донской атаманъ М. И. Платовъ. Рожденіе. Служба. Платовъ—ученикъ Суворова. Завѣты казакамъ	9
3. 1812-й годъ. Армія двадцати языкъ. Дѣла казаконъ у Кореличъ, Мира, Молева Болота и Романова. Набѣгъ Платова въ тылъ французонъ	15
4. Битва у Колоцкаго монастыря. Смерть генерала Краснова I.	21
5. Бородинское сраженіе 26 августа 1812 года.	23
6. Платовъ на Дону. Донцы выступаютъ на войну поголовно.	25
7. Отступленіе арміи Наполеона. Жертвы казаконъ	28
8. У Воли, Смоленска и Гусинаго. Изгнаніе французонъ изъ Россіи	31
9. Награды донскимъ казакамъ за Отечественную войну	35
